

«ВНИДЕ СТРАХ В ДУШУ МОЮ»

Волнения пищальников, жалобы псковичей были первыми сигналами о неблагополучии в стране, о народном недовольстве. Но особенно ярко проявилось оно в конце июня 1547 года.

Весна и лето в том году были на редкость жаркими. В Москве то и дело вспыхивали пожары. Во время одного из них, еще в апреле, от высокой температуры взорвался порох в кремлевской башне, и ее кирпичу разлетелись по берегу Москвы-реки. Но тот пожар, который бушевал 21 июня, современники недаром назвав «великим».

День был не только жарким, но и ветреным. По словам летописца, *«бысть буря велика, и потече огонь якоже молния»*. Ураган смахивал горящие крыши и разносил их по городу. Современник пишет, что языки пламени вздымались к небу *«великия яко горы»*. Пожар продолжался, пока было чему гореть: около десяти часов. Казалось бы, в каменных зданиях Кремля можно было спастись, переждать разгул стихии. Но в Кремле стояла нестерпимая жара, горели иконы деревянные части зданий, *«от дымного духа»* люди задыхались. Многие из тех, кто был в Кремле, погибли. Царь вместе с молодой женой и приближенными успел вовремя перебраться в свое подмосковное село Воробьево (там, где ныне Ленинские горы). С высокого воробьевского холма царь видел, как гибнет вся охваченная пламенем его столица.

Запоздал митрополит Макарий: он еле выбрался из Успенского собора (двое сопровождавших его погибли), пытался покинуть Кремль через подземный ход, но там уже был *«дымный дух тяжек и жар велик»*. Пришлось спускаться митрополита со стены на веревке. Недалеко от земли канат оборвался, Макарий упал, расшибся, и его *«еле жива»* отвезли в Новоспасский монастырь.

Результаты пожара были устрашающими. Несколько тысяч человек погибло, у уцелевших сгорело имущество; все население города осталось без крова. Горе требовало выхода, хотелось найти виноватых. И весь гнев обратился на бояр, поскольку других провинностей, реальных, было за ними достаточно. Их ненавидели за притеснения, за взяточничество, за безнаказанность. Считали особенно виновными тех бояр, которые стоят у власти, от бесчинств которых страдают сейчас, - Глинских. Ведь, по словам официальной летописи, *«в те поры Глинские у государя в приближение и в жалование, а от людей их черным людям насилство и грабеж, они же их от того не унимаху»*.

По городу ползут слухи о Глинских. Тогда была еще жива бабушка царя, мать Елены Глинской - Анна, дочь сербского воеводы Якшича. Возможно, старость в сочетании с иностранным акцентом делали ее в глазах москвичей, настроенных к тому же недоброжелательно, похожей на колдунью, ведьму. Может, были и другие обстоятельства, но, во всяком случае, о ней рассказывали, что она вынимала из мертвых тел сердца, *«клала в воду да тою водою, езда по Москве, кропила, и оттого Москва выгорела»*. Какова должна была быть ненависть к Глинским, чтобы поверить такому нелепому слуху.

Восставшие москвичи убили одного из дядьев царя - Юрия Глинского, а с ним и многих дворян, другой дядя - Михайло Васильевич пытался даже бежать за рубеж, был пойман, но прощен, так как бежал не по политическим мотивам, а *«обложася страхом»* из-за убийства своего брата. Толпа же москвичей двинулась к царю в Воробьево - требовать выдачи Глинских.

Подготовились к этому походу на совесть: несли с собою метательные копья-сулицы и щиты, предводительствовал толпой городской палач: должно быть, чтобы тут же привести в исполнение смертный приговор. Молодой царь перепугался до смерти. Через несколько лет в выступлении на церковном соборе, вспоминая о тех днях, он признавался: *«...вниде страх в душу мою и трепет в кости моя и смирися дух мой»*. Насчет смирения духа царь Иван явно слукавил: у него хватило его присутствия, чтобы успокоить толпу, уговорить, что Глинских в Воробьево нет (это была правда). Толпа разошлась, успокоенная тем, что царь *«не учинил им в том опалы»*. То была лишь уловка. Уже вскоре Иван IV *«повеле тех людей имати (арестовывать. - В. К.) и казнити»*.

Московское восстание 1547 года. Убийство Ю. Глинского. Миниатюра из Лицевого свода XVI века.

Московское восстание лета 1547 года было не единственным народным движением той поры. Помимо уже упоминавшихся волнений пищальников и псковичей известно восстание в Опочке против сборщика податей. На его подавление пришлось отправить двухтысячную рать. Непокойно было и в Новгороде.

О восстаниях горожан мы знаем, а о том, что происходило в селах, точные сведения в источниках не сохранились. Но косвенные данные заставляют предполагать, что и там не было спокойствия. Как раз в те годы священник Ермолай-Еразм писал, что *«ратаи»* (пахари, крестьяне. - В. К.) *«всегда в волнениях скорбных пребывающа, еже не единого ярма тяготу*

всегда носяща». Во многих источниках этого времени отмечается, что умножились разбои. Было бы крайне примитивным считать, каждого разбойника классовым борцом, тем более что известны разбойники и из числа феодалов. Но вместе с тем мы знаем, что для крестьянских движений эпохи феодализма всегда типичен разбойный характер.

Недаром благородный разбойник, который грабит богатых и помогает бедным, герой фольклора многих народов: и Робин Гуд у англичан, и Степан Разин у русских (видимо, не столько реальный Степан Тимофеевич, сколько песенный Стенька), и тот добрый молодец, которого судит царь Иван Васильевич и говорит ему: *«Я пожалую тя, молодец, в чистом поле, что двумя, тебя столбами да дубовыми, уж как третьей - перекладинкой кленовою, четвертой тебя - петелькой шелковою»*. Так что «умножение» разбоев это все же свидетельство усиления волнений и в деревне. Да иначе и не могло быть: после времени всевластия олигархов, борьбы за власть бесконтрольности местных администраторов не могло не ухудшиться положение народных масс.